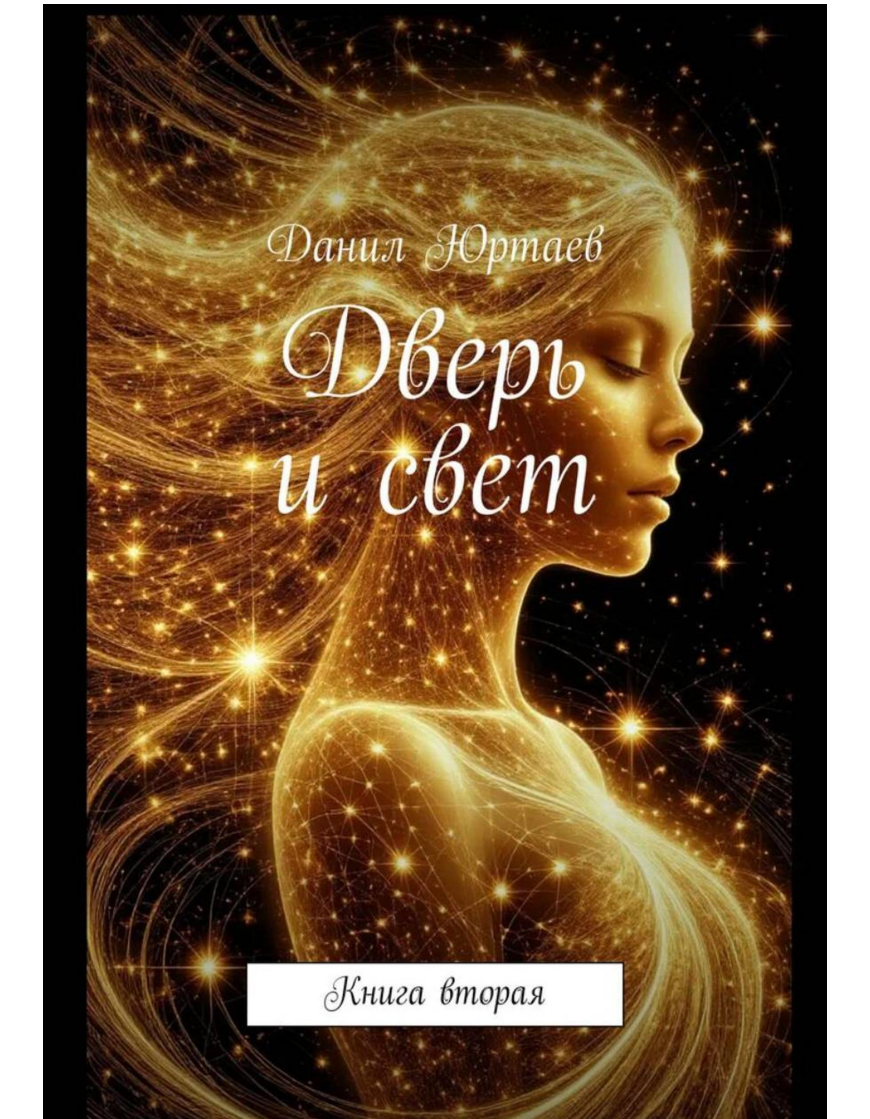

The background of the entire cover is a dark, starry night sky. A woman's profile is depicted from the chest up, facing right. Her form is ethereal, composed of glowing golden light trails and a dense field of small, bright stars. Her hair flows upwards and outwards, also made of these luminous elements. The overall effect is one of cosmic beauty and mysticism.

Данил Юртаев

Дверь
и свет

Книга вторая

Данил Юртаев

Дверь и свет

<https://litres.ru/74578234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дверь, которая жила в запястье Оливии, перестала подчиняться печатям — и теперь открывается сама, туда, куда зовёт её сердце. Но за каждым переходом она платит теплом собственной жизни, а за складом пламени, где триста лет хранились погашенные души, просыпается то, что не должно выйти наружу. Велор на пороге перемен: столб скоро рухнет, имена заговорят, а боги впервые за три века согласятся сесть за стол — за тот, что инженер Роберт построит на границе двух миров. Чтобы спасти всех, Оливии придётся совершить невозможное: заключить договор, где сторона — не только боги, но и люди. И рискнуть тем единственным, что у неё есть, — дверью.

Данил Юртаев

Дверь и свет

ДВЕРЬ И СВЕТ

роман

Книга вторая

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Четверг

Глава вторая. Велор без печати

Глава третья. Инженер идёт в дверь

Глава четвёртая. Дамарис у столба

Глава пятая. Сорок лет ожидания

Глава шестая. Пламя и имя

Глава седьмая. Трещина

Глава восьмая. Склад

Глава девятая. Стол

Глава десятая. Круг, которого не было

Глава одиннадцатая. Договор нового вида

Глава двенадцатая. Сорок лет спустя

Глава тринадцатая. Дом на границе

Глава четырнадцатая. Книга закрывается

Глава первая. Четверг

Дверь, которая жила в её запястье, оказалась не вежливой — она была своенравной. Печать подчинялась расписанию; дверь не подчинялась ничему, кроме чувства, которое Оливия ещё не научилась называть. Она открывалась, когда Оливия скучала по солнцу. Она открывалась, когда во сне Оливия звала чьё-то имя — то одно, то другое. Однажды в октябре она открылась сама, среди ночи, и Оливия проснулась стоя посреди Соляного рынка, босая, в ночной рубашке, под звёздами, которых в её мире не было, — и это было первое свидетельство того, что свободой называют не только возможность выбирать, но и необходимость отвечать.

«Не начинай разговаривать со своей собственной рукой», — сказала она себе и пошла босиком через спящий рынок к южным воротам, и сторож у ворот, выученный прошлым годом, только покачал головой и открыл калитку не спрашивая.

Цена выяснилась на третьей неделе. Каждое открытие двери оставляло после себя холод — не в комнате, а в ней: день после перехода Оливия просыпалась чуть легче себя вчерашней. Не хуже. Легче. Так, как становится легче сапог, из которого вынули стельку. Функционирует. Не слышит.

— Ты в прошлый вторник не слышала меня, — сказал Роберт однажды за завтраком. Он сказал это не с упрёком — с точностью. — Я позвал тебя трижды. Ты смотрела в окно, и в глазах у тебя было как на вокзале, когда поезд ушёл.

— Ушёл?

— Не поезд. Это я ушёл, по-твоему. — Он аккуратно отрезал угол хлеба. — Оливия, я инженер. Я строю мосты. Мост, который никто не обслуживает, падает. Дверь, которой пользуются бесплатно, ломается. Ты чувствуешь себя холоднее по вторникам — я это тоже засекал, не отпирайся. Сколько тебе осталось тепла, если тратить так?

Она не знала. Никто не знал: Товия в первый же её честный вопрос поднял руки, как отгоняя муху, и сказал: «Это не ко мне. Это к ним». К ним — значило к богам. А боги, как выяснилось, проводили совещание.

Марго знала больше — Марго всегда знала больше, она из тех людей, у которых любая новость появляется на день раньше, чем её придумали. Она пришла к Оливии в четверг — в их новый день, назначенный самой собой вместо воскресений, — и принесла две новости: дурную и невозможную.

— Дурная: Приход пересчитывает нечто, что ты тратишь. Старшие называют это «остатком». По их свиткам, у каждой двери есть запас — тепло, влитое в неё тем, кто её открыл. Тебя влитая Мервин, а Мервин уже ушёл за порог. Ты тратишь то, что больше не пополняется. Считай, что ты расходуешь его жизнь.

— Мервина?

— Его жизнь, его тепло, его четырнадцать лет ожидания. Всё, что он отдал обряду, теперь тратишь ты. — Марго помолчала. — И второе. Невозможное.

— Говори.

— За порогом, на складе, где стоят вылитые души, — Марго выпрямилась, и серый плащ её вдруг показался Оливии старым, каким он, вероятно, и был все эти годы, — стоит женщина по имени Элин. Живая. Я проверяла. Рядом с ней — Мервин Долгий, и оба выглядят на десять лет моложе, чем в день, когда их видели в последний раз на этой стороне порога. Оливия. Они вернулись.

— Погашенные не возвращаются.

— Погашенные не возвращались. — Марго взяла её за руку, за ту, где жила дверь. — До среды. Слушай меня очень внимательно, девочка. Среда всё изменила. Мервин произнёс имя — и пламя отдало. Значит, склад можно опустошать. Значит, всё, что Приход вылил за триста лет, — люди, которых этот мир убил за измену, за бунт, за неправильную любовь — всё это ждёт. Имена. Голоса. Кто-то, кто позвал бы.

— И Приход этого хочет?

— Приход этого боится до судорог. — Марго усмехнулась — коротко, криво, по-своему. — Представь себе тюремщика, который узнал, что все его заключённые живы и хотят домой. Он не спит уже неделю. Новые watchers получают новый приказ: гасить имена. Кто назовёт погашенного вслух — тот ворует у Прихода приговор. Обвинение новое, сочинили за три дня: «владение чужой душой».

— Ты сказала, что с этим движением связаны меня.

— Я сказала, что тебе пора в Велор. — Марго встала,

отряхнула плащ — привычка, старая, как сам плащ. — Похоже, твоя дверь ведёт не только к Феликсу, Оливия. Похоже, она ведёт к складу. И это значит, что боги, которые год назад не спросили у тебя согласия, сейчас очень хотят его получить. В такие минуты запомни мой совет: не соглашайся первой. Первым соглашаются те, кто не знает, что торг возможен.

Дверь в запястье, выслушав это, потеплела — Оливия готова была поклясться, что потеплела, — и ей в первый раз за месяц стало холодно от того, как много это тепло значило.

Глава вторая. Велор без печати

Велор встретил её тишиной не такой, как раньше. Прежде город, куда её переносила печать, гудел — рынки, каналы, колокольцы, — и гул этот был фоном её вторых жизней. Теперь, шедшая пешком через южные ворота, Оливия слышала, как город затихает впереди неё, квартал за кварталом: не страх — узнавание. О женщине с погасшей печатью и живой рукой шептал весь город.

Феликс ждал её в зале договора. Зал был пуст — столы убраны, свитки унесены, окна распахнуты, — и в этой пустоте он выглядел как человек, которого уволили с должности, оставив должность в наследство.

— Товия вызывает тебя, — сказал он вместо приветствия. — Заодно решил предупредить: вызывает официально. С протоколом. Оливия, не поддавайся привычке говорить всё.

Товия записывает.

— Он и раньше записывал.

— Теперь у него новая должность. Старший умер через неделю после среды. Тихо, во сне, в ту самую ночь, когда Дамарис сожгла свиток. Не связывай это, я сам связываю, и мне не нравится, как связывается. — Феликс провёл рукой по пустому столу, будто нащупывал на нём то, что раньше было всегда. — Приход голосует. Дамарис ведёт реформаторов: столб — прочь, порка — прочь, свидетели вместо стражников. Против неё — Идар, читающий классиков Прихода: двери между мирами — источник всякой порчи, начиная с тебя. За неделю Идар удвоился. Тревога, Оливия, спланирует лучше правды.

— А ты?

— А я — то, чем остался. Свидетель без договора. В Велоре не бывает таких. Я как вдовец по живой жене: все мне сочувствуют и никто не знает, куда меня ставить. — Он улыбнулся — светлой улыбкой, которая у него появилась со среды и не сходила, — и подошёл вплотную. — На самом деле я пришёл сказать другое. Я приходил сюда каждый день. Сидел за этим столом. Потом понял, что сижу в пустом зале в ожидании воскресений, которых больше нет, — и мне стало смешно. Смешно, Оливия. Двадцать шесть лет у меня были правила, и я ждал твоих нарушений как подарков. Теперь правил нет, а я всё хожу сюда, будто правила просто сменили вывеску.

— Какую вывеску?

— Свидетель — сторона. — Он взял её руку, погладил большим пальцем пустое запястье, где раньше жила печать. — Теперь я свидетель твоей двери. Это не должность, это глагол. Так будет, пока ты позволяешь.

Товия принял её в маленькой комнате, где раньше хранили печати, — теперь там стоял один стол и он сам, старый, сухой, ещё более осенний, чем прежде. На столе лежал свиток, и Оливия сразу увидела, что строка в нём — новая, свежая охра.

— Женщина с голосом печати, — сказал Товия. — Ты знаешь, что это обращение вышло из употребления в среду? Печати больше нет. Обращение осталось, потому что ничего точнее Приход придумать не сумел. — Он помолчал. — Я вызываю тебя не для угроз. Причудливое время: старшие сочиняют обвинения, а я, старейший протоколист, должен тебе объяснить закон, чтобы ты его не нарушила. Слушай. Дверь без свидетельства — это дыра в мире. Через дыру выходит не только человек. Через дыру выходит закон. В Велоре каждый переход между мирами должен быть засвидетельствован — так было триста лет, и триста лет боги терпели это правило, потому что оно держало порядок. Твоя дверь — первая в истории без печати. Ты — стихия. Стихии не судят — их укрощают или берут на службу.

— На службу кому?

— На службу миру, Оливия. — Товия впервые поднял на

неё глаза, и в них было то, чего она не ждала от человека, составлявшего протоколы: страх. — Слушай дальше, потому что дальше — то, чего не знают ни Дамарис, ни Идар, ни, кажется, сама Марго со всеми её свитками. В ночь после среды склад пламени треснул. Не от Мервина — раньше. В ту же ночь, когда печать умерла в её срок. Понимаешь? Твоя смерть печати и трещина в складе — это одно событие с двух сторон. Души, которые стояли за порогом четырнадцать лет и триста лет, услышали её смерть как звон в колоколе. Многие пошли на звон. Пламя дрогнуло. И теперь через трещину, по слухам, выходят не только души.

— А кто?

— Мы не знаем. — Товия положил ладонь на свиток, будто придавливая его к столу, чтобы не уполз. — Приход скрывает. Но на границах видят: свет, который не светит, и тень, которая не падает. И это, Оливия, происходит в том мире, куда твоя дверь ведёт охотнее всего.

Когда она вышла от Товии, солнце уже опускалось к садам, и у южных ворот её ждали двое: Феликс — как всегда, и, чего она не ожидала, Роберт — как никогда.

Он стоял в своём выходном пальто, с той же авоськой — яблоки, старый сорт, бабка с рынка, — и выглядел человеком, который репетировал эту сцену в прихожей и всё-таки теперь переживал премьеру.

— Я подумал, — сказал Роберт, — что несимметрично. Ты ходишь в мой мир годами. А я в твой — ни разу. Разруха

начинается с асимметрии, я инженер, я знаю. — Он протянул авоську Феликсу. — Это опять яблоки. Отчёт о хозяйстве. Принимай.

Феликс посмотрел на Оливию. Она посмотрела на Роберта. И дверь в её запястье — свободная, своенравная, не подчиняющаяся никакому расписанию, — открылась им навстречу ровно и без промаха, как дверь, которая, кажется, давно всё решила.

Глава третья. Инженер идёт в дверь

Роберт держался три дня как турист на объекте: осматривался, задавал вопросы «как устроено», записывал в блокнот, который притащил из своего мира вместе с карандашами. На четвёртый день он перестал записывать. На пятый — сказал Феликсу фразу, после которой, как потом поняла Оливия, в Велоре началась новая эпоха.

— У вас нет сводов, — сказал Роберт. Они сидели в садах, над обрывом, где неделю назад белело поле отцветших семян. — Я весь город прошёл. Камень выточен, швов нет, а перекрытий нет нигде. Как ваши дома не падают?

— Они не падают, — сказал Феликс, будто это объясняло всё.

— Это не ответ. Это факт. У вас камень держится на молитве?

— Камень держится на свидетельстве. — Феликс поднял камешек с земли и сжал в кулаке. — Здесь всё, что важно,

держится на свидетельстве. Стены — тоже. Дом стоит, пока стоит договор между тем, кто его построил, и тем, кто в нём живёт. Договор рвётся — дом осыпается за неделю. Поэтому здесь не продают домов. Продают договоры, а камень идёт довеском.

Роберт сидел очень тихо. Потом достал блокнот, перечеркнул всё, что писал четыре дня, и начал новую страницу.

— Значит, так, — сказал он. — Я хочу построить дом, который не зависит от договора. Который держится на камне, а не на свидетельстве. И чтобы стоял на границе — в обоих мирах сразу. Одна дверь — в ваш мир, одна — в мой. Не печать. Не магия. Архитектура.

Оливия смотрела на мужа, у которого перехватило горло оттого, что она не понимает, — гордо, страшно, безнадёжно, — и Феликс, кажется, понял всё сразу.

— Ты не сможешь, — сказал он мягко. — Камень здесь слушается свидетельства. Он слушает богов, которые свидетельствуют, и людей, которые держат договор. Камень без договора здесь не течёт и не стоит — он просто есть, как галька.

— Значит, надо найти камень, который слушает другую физику. — Роберт уже писал. — Или перевезти мой. Я грузу камень через дверь — и строю. Бетон не молится, Феликс. Бетон не свидетельствует. Бетон стоит.

— Бетон, — повторил Феликс, как пробуют на вкус незнакомое вино.

— Ну, в вашем случае, может, его придётся готовить из вашего камня. Посмотрим. — Роберт разорвал страницу и начал третью. — А вот это уже интересный вопрос. Если ваш камень слушает договор, а мой — гравитацию, что будет на границе двух физик? Одна дверь в двух мирах — это стык двух законов. Мне нужен расчёт. Мне нужен ты, Феликс. Ты единственный здесь понимаешь, что такое свидетельство, изнутри, как свидетель.

— А ты единственный, кто умеет строить без него.

— Вот и решим, что получается на стыке. — Роберт поднял глаза. — Я, между прочим, не спрашивал разрешения у твоих богов. Так нечестно выходит: Оливия год платила по их договору, а я беру и строю. Пусть приходят, скажу им прямо. С яблоками.

Он пошёл вниз, к городу, бормоча что-то про расчёт на грузок на границе миров, и Оливия осталась с Феликсом на обрыве, и было в этом молчании то, чего она не чувствовала ни с кем: молчание человека, которому есть что сказать, но который умеет ждать.

— Он сделает, — сказал Феликс. — Дом на границе. Знаешь, что это будет значить?

— Скажи.

— Что в Велоре впервые за триста лет появится строение, которое не пройдёт через суд Прихода. Которое нельзя засвидетельствовать — и потому нельзя отнять. Гавань для всех, у кого договоры рвутся. Для погашенных, для беглых,

для таких, как я: свидетелей без договора. — Он повернулся к ней, и солнце Велора било ему в лицо так, что она видела каждую морщинку у его глаз — их здесь было больше, чем в первый день; Велор, кажется, начал по нему считать годы. — Ты понимаешь, что твой муж сейчас заложил не дом? Он заложил флаг.

— Какой флаг?

— Флаг «здесь можно жить не так».

Идар пришёл к ним сам — на пятый день Роберта в Велоре, в субботу, когда они с Робертом размечали участок на границе: половина в садах Велора, половина — там, где, по расчётам Роберта, начиналась физика её мира. Оливия поняла, кто это, раньше, чем он открыл рот: Идар носил серое так, как носят мундир, — выглаженное, оправданное, — и был моложе, чем рассчитывала по голосам, но глаза у него были старшие глаза, какие бывают у людей, выучивших чужие книги вместо собственной жизни.

— Так вот ты какой, — сказал Роберт, разглядывая его с профессиональным интересом. — Мужчина, который разрушит мой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.